

ДОПОЛНЯЕТ

29 августа с. г. в «Литературной России» был опубликован материал И. Подгорного «Дом Одоевского». Мне бы хотелось дополнить его в той части, где есть упоминание имени декабриста Александра Михайловича Булатова.

Семье Булатовых, кроме дома на Исакиевской площади, принадлежали еще два дома на Спасской улице (сейчас ул. Рылеева). В одном из них (Рылеева, 1/9) жила семья декабриста. Дом был построен в стиле русского классицизма и является ценным памятником гражданского зодчества, дошедшим до нас.

Глава семьи генерал-майор М. Л. Булатов был героем Отечественной войны 1812 года. Его старший сын, Александр, также участвовал в войне с Наполеоном. За храбрость он был награжден золотым оружием. В 1825 году Александр Булатов приехал в Петербург. Приезд был вызван смертью отца и хлопотами, связанными с наследством. Здесь он встречается с Кондратием Рылеевым, с которым был дружен с детства. С этого времени в доме Булатовых часто собирались будущие декабристы.

Накануне восстания Булатов был назначен заместителем «диктатора» — князя Трубецкого. На него же возлагалось убийство Николая I. В день восстания Булатов был на Сенатской площади, он стоял недалеко от царя, вооруженный пистолетом и кинжалом... После подавления восстания Александр Булатов сам явился в Следственную комиссию в Зимний дворец...

Заточенный в Петропавловскую крепость, он отказывался от еды. Чтобы сломить его упрямство, ему принесли деликатесы, но Булатов продолжал голодовку. 18 января 1826 года Александр Булатов разбил голову о стену и на следующий день скончался. В память заслуг перед отечеством отца декабриста родственникам была оказана «величайшая милость» — им выдали тело для погребения. Несмотря на то, что покойный был «государственным преступником», в дом на Спасской приходило множество народа отдать последний долг человеку, который не пожелал жизни ради свободы и справедливости. Товарищи по гренадерскому полку на свои средства поставили памятник на могиле Александра Михайловича Булатова...

В своем предсмертном письме Булатов писал: «По последнюю минуту дыхания моего люблю отечество и народ русский и за пользу их умираю мучительной смертью». Никогда не забудет наш народ подвига мужественных людей, вышедших 14 декабря на Сенатскую площадь. И нам всегда будут дороги места, связанные с их именами.

Е. ЛЫЖИНА

ЛЕНИНГРАД

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ

В письме В. Смирновой («Литературная Россия», № 40, 3 октября с. г.) говорилось о необходимости сохранения подмосковной усадьбы Марьино, связанной со славными именами декабристов Михаила Александровича Фонвизина и Александра Ивановича Пушкина. Автор писала, что территория усадьбы захламлена, в заброшенном состоянии большой фруктовый сад. Каменная ограда разваливается. На усадьбе нет ни охранной, ни мемориальной доски.

В ответ на нашу публикацию начальник производственного бюро по охране и реставрации памятников культуры Московской области И. А. Леваков сообщил редакции, что сейчас в бывшей усадьбе Марьино размещается детский дошкольный противотуберкулезный санаторий Дзержинского рона гор. Москвы. В конце 1975 — начале 1976 года он будет выведен в строящиеся неподалеку новые санаторные корпуса. После этого планируется благоустройство усадьбы.

В связи со 150-летием восстания декабристов производственное бюро заказало Всесоюзному скульптурному комбинату проект памятного знака, который предполагается поставить на территории усадьбы Марьино.

«Литературная Россия» № 47 21 июля 1975 г.

литературные

споры

и

размышления

У ШУКШИНА

Н. ТОЛЧЕНОВА

Выйдя из домика в Сrostках, где мальчиком рос Василий Шукшин и где теперь со своей дочерью Любой живет тетка Шушкина Авдотья Сергеевна — сестра его матери, Марии Сергеевны, переехавшей на жительство в Бийск, — я, переполнившись до отказа многими впечатлениями от долгой и сердечной беседы, решила подняться на высокий угор за Сrostками. Такой угор все мы с вами видели в заключительных кадрах одного из шукшинских фильмов — «Печек-лавоочки».

Помните? Простой деревенский мужик сыгранный самим Василием Шукшиным, житель как раз этих далеких алтайских, сибирских мест, наш современник, тракторист Иван с каким-то яростным даже наслаждением косит в начале фильма здесь траву. А в конце здесь же вроде бы и отдыхает, вот на этом самом угоре... Отдыхает не столько от работы, думается мне, — она для него есть сама жизнь, а ничто из людей труда отдыхать «от жизни» не привык, не умеет, — Иван отдыхает от всех злоключений, пережитых им во время довольно-таки неудачного путешествия на юг, к морю... Кажется, переживая все эти злоключения сызнова, осмысливая их, Иван про себя раздумывает здесь о том, что всего-то вернее не стоило бы ему вообще ничего затевать и нигде не надо было бы ездить... Но ведь кто знал, что вот так паршиво все получится! А Иван из той породы людей — до конца во всем честных перед собой и перед другими, — которым во что бы то ни стало надо докопаться до самой сути вещей. Он далеко не безразличен, не безучастен к тому большому течению времени, которое вокруг него свершается. Вполне справедливо он чувствует себя участником жизни. Более того — ее строителем, создателем.

Наплывом возникают финальные кадры... Россия, Иваном и всеми бесчисленными его родичами, всеми соседями, всеми земляками, короче, народом здешним издавна обжитая, взлелеянная и ухаживаемая, по-прежнему все такая же неохватная, беспрестанно огромная земля, все снова и снова ожидающая добрых, не знающих зла людей.

Земля эта прекрасна. Вернувшись из курортной поездки, Иван эту родную землю свою вокруг себя словно впервые видит. Слово удивляется заново всему этому неоглядному простору, всей красоте сущего... И не брешу-то весело усмехается каким-то собственным мыслям, своим догадкам и заботам, каким-то будто сейчас только им додуманным и осмысленным выводам из рассказанной про всю эту поездку истории. И вот теперь он вроде бы даже бодро и решительно ее заканчивает: «Все, ребята, конец»...

Экран гаснет. В зрительном зале зажигается свет.

С какими же лицами покидают люди кинотеатр? Много ли в этой толпе мы видим зрителей, весело хохочущих? Да нет, пожалуй. Не очень-то повеселило нас, если иметь в виду именно веселье, все то, что было пережито и передумано Иваном и проникновенно написано, а затем сыграно Шукшиным...

Спору нет, конечно же, есть смешное во многих поступках и словах Ивана, человека горячего, можно даже сказать, бешено-вспыльчивого. Но трагикомические ситуации «Печек-лавоочки», как и самый нрав, самая судьба главного героя, отнюдь не поддаются однозначной их «расшифровке». Шукшин проверяет на своем Иване, как и на самих ситуациях, вокруг Ивана возникающих достоинство, гордость, независимость советского человека, который, сгорая, пустившись в свою, пусть необдуманную поездку, частично вынужден терпеть если не моральный ущерб, то уж во всяком случае незаслуженную обиду... Какой уж тут смех, если трудовое, честное, едва вырвавшись за пределы родной деревни, не получает того, что его трудом заслужено, его борьбой завоевано...

Скорее, он заставил всех нас, в том числе даже и самых законченных «горожан», вовсе далеких порою от насущных проблем «деревни», задуматься глубоко над какими-то такими вещами, которые по-человечески касаются всех людей вообще. И соответственно требуют от нас в ответ не столько смеха, веселья, сколько истинно душевной серьезной работы, гражданского размышления... Хотя по первому-то взгляду, конечно, шукшинский Иван просто доверяет нам и себя самого, такого, какой он есть, и вот эту свою землю, на которой вместе со всеми близкими сво-

ими живет и трудится, и, наконец, все сердечные, жизненные, заветные связи — и свои собственные, и своей земли — с тем миром, который, по правде говоря, от этих Ивановых проблем вдруг не то чтобы уж совсем отвернулся, но оказался не так близко, как ему — и нам! — хотелось бы...

На первый-то взгляд они, эти связи, как бы даже вовсе с тем городским, далеким от Ивана миром не соотносятся, это, ясное дело, не может не волновать Ивана... Но потом он во всем разбирается помаленьку. Все поставит на свои места. Ибо, между прочим, при всей своей «простоте» он еще и умница, и хитрец, каких мало, ехидный выдумщик и остроумец, не пугающийся с настоящим профессором (как же хорош тут Санаев, великолепно «сыгранный» с Шукшиным) вступить в состязание. Да и самое состязание-то идет не по «слову», а по мысли! Да что там говорить, Иван великолепно понимает, что главную свою, самую сокровенную задачу выполнил. И сделал это как нельзя лучше... Теперь дело за нами. А он и самую историю свою на этом завершает: «Все, ребята, конец».

После внезапной и так всех потрясшей смерти Василия Макаровича Шукшина эти итоговые слова героя с их внутренней, поистине неохватной наполненностью и внешним лаконизмом, с их чисто шукшинской интонацией, скорее шутливой и озорной, чем грустной, остались у нас у всех «на слуху».

Прекрасен простой трудовой мир родной Шукшину алтайской, сибирской земли, которая так высоко подняла его и вырастила творцом и художником. На редкость типичны признаки этой поразительной судьбы, столь органически неразрывно связанной — буквально до самой последней минуты его бытия — с родной землей. С прошлым, настоящим и будущим родного народа.

II

Россия коренная, Алтай и Сибирь — края могучие и шедрые, издавна освоенные людьми смекалыми и упрямыми, а главное, неравнодушными и для любого дела находящими свой собственный, особый подход, свое, не заимованное, а самой жизнью подсказанное и, значит, от самого сердца идущее решение.

Вот такой-то народ-землепроходец, такая-то деятельная, творческая Россия и родила Шукшина.

...Сrostки, будто вся глухая российская деревушка, которую, впрочем, довольно быстро можно найти даже и на этих беспредельных алтайских просторах, отбьих совсем недалеко от Бийска по Чуйскому тракту... Кстати сказать, он-то же был воспет Шукшиным, тракт этот, в одном из самых ранних шукшинских фильмов — «Живет такой парень»... Фильм этот остался, на мой взгляд, недооцененным критикой, прошел негромко. А в нем много было интересного и важного для нынешнего нашего понимания творчества Шукшина. Как и для понимания его отношения к Родине, к вырастившей его земле, к трудовым людям, определившим психологию будущего автора «Печек-лавочек» и «Калины красной».

Здесь, в Сrostках, безуслов-

но должен быть открыт музей Шукшина либо создан заповедник. Наш долг — собрать и бережно сохранить все то немногое, а в то же время бесконечно многое, что остается связанным для нас и с началом жизни Шукшина, и с его творениями, со всеми созданными им образами, — короче, со всем тем, в чем выразилась личность художника, именно здесь берущая свои истоки. Берущая их по-особому — не из крохотного родничка, как, например, близкая Некрасову Волга или Есенину Ока, а как близкие именно Шукшину и в нем сказавшиеся Катунь и Бия. Одна — бурная, неумная, вся в «барахках» пены — мчится с покрытых вечными снегами Алтайских гор, а другая — плавная, мощная, полноводная — берет начало в Телецком озере... И обе реки, сливаясь воедино невдалеке от Сrostков, образуют огромную, гордую Обь, что как раз и значит: обе. Вот такое удивительное рождение названия объяснили мне в Сrostках земляки Шукшина, заставив лишний раз с изумлением отметить и точность, и образность мысли народа-языкотворца.

По всей вероятности, уже в самую раннюю пору детства Шукшин как будущий художник вбирал в себя первозданные и потому такие острые, на всю жизнь неизгладимые ощущения бытия. Ощущения самой сути характера родного народа. Они-то и образуют в нем главное — мир его души. Вызревая и упрочиваясь с годами, они образуют его интерес и пристрастия, выявляют самую склонность его к творчеству, поскольку она окажется в нем сильнее всех остальных его склонностей и заставит художника постоянно слышать в себе этот мир, угадывать его природу и находить этой природе свое выражение — такое именно, какого она потребует, — мелодией или красками, стихами или прозой...

Родина и народ — со всеми главнейшими своими жизненными проблемами, присущими тому времени, которое отпущено художнику на земле, — именно и составят такое, первозданное по значению, содержание его творчества.

Разумеется, я имею в виду отнюдь не формальное содержание произведений художника, не сюжетно изложенный их смысл и даже не тематику, а эстетическую природу его творчества. Она складывается в каждом штрихе художника, во всем строе его образного, поэтического мышления, определяющем все то, о чем он говорит с нами, и то, как он это говорит. Художник способен превращать самые простые и даже грубые подчас явления действительности, самую привычную обыденность в поэзию, тревожащую и удивляющую нас, неотступно требующую в ответ такой же глубины понимания, доброты и правды.

Именно этим Шукшин завоевал и покори своего читателя и зрителя, когда обратился к нему со своими раздумьями о совести и долге, об отношении человека к самому себе и к другим людям; о том, все ли нами сделано из того, что мы — каждый из нас — обязаны сделать, пока живем на земле.

III

Сейчас о Шукшине говорят и спорят всюду. И не удивитель-

но. Он вошел — да что там, влетел, ворвался — в современное искусство, в среду наипервейших его «избранников», явив и самим собою, и всем, что принес с собой из этих своих вроде бы таких крохотных захолустных алтайских Сrostков, и неисчерпаемую, прямо-таки бездонную силу артистизма истинного, и такую неподдельную народность, и такую сердечность, человечность, что уже самая стремительность этого восхождения не могла не поразить даже тех, кому вовсе неинтересно, а то и чуждо дарование Шукшина.

Не заметить, пройти мимо него было немисливо.

Шукшин с его незащищенной, ничем не прикрытой и даже наивной будто бы простотой и стиля, с его явной и тоже вроде бы простодушной нацеленностью на идеал добра и человечности сумел благодаря своему таланту подняться, не прилагая, казалось бы, к этому никаких вообще усилий, на высокую трибуну исконной российской культуры.

Не «списывать» жизнь, но постичь ее сегодняшние сокровенные глубины, открыть стержневые, решающие нравственные процессы, всегда идущие в русле социальных идей своего времени, — такую задачу взял на себя Шукшин. Задачу, скажем сразу, по размаху грандиозную, но вполне для его дарования посильную.

Сын своего народа и своей страны, вставших в наши советские дни, по слову Белинского, во главе всего передового человечества, Шукшин от их имени говорил о жизни. Обо всем, что видел вокруг себя. Говорил честно, пылко, до последнего своего дня.

Однако споры вокруг Шукшина продолжают... И, на-верное, можно было бы попросту не вмешиваться в них, кабы не затрагивали они порою самой сути его этики и эстетики, его творческого облика, выраженных на редкость многообразно и многолико, но сохраняющих неизменно — и с таким редкостным единством — новаторский философский, психологический и социальный смысл всего того, что сумел и успел сделать художник со своей особой, присущей ему смелостью и прямотой.

Что и говорить, многие творческие загадки оставлены Шукшиным. Они в его сценариях и фильмах, в его пьесах и прозе, в его режиссерских и актерских работах... Загадки эти становятся отнюдь не проще, а гораздо сложнее, если мы начнем его творчество раздвигать, искусственно раскладывать все им сделанное по разным полочкам. Ибо труд Шукшина — как художника творчески всеобъемлющего — именно вкупе выражает великолепную эту неповторимость.

Самая оригинальность, уникальность многих талантов Шукшина требует, конечно же, серьезного и тщательного изучения. От них не отмахнешься, дав каждому из них лишь приблизительное толкование, хотя бы уже потому, что все образы, созданные Шукшиным, стали для зрителей и читателей — людей всех вкусов и всех возрастов — не просто интересными и занимательными. Они прочно вошли в художественное сознание народа. Вошли как ясно слышимый призыв к нашему собственному духовному совершенствованию.

